

БЛ. МЧ. РАЙМУНД ЛУЛЛИЙ (РАМОН ЛЬЮЛЬ), Т.О.С.Ф.

ПРИЖИЗНЕННОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

записанное со слов бл. Раймунда анонимным его современником

Пер. с лат. Vita coetanea // Raimundi Lulli Opera Latina: Parisii, 1980 – pp. 272-309: с аннотацией глав и учётом издания Raymundus Lullus, Solitarius, Martyr in Africa (B.), Vita ab Anonymo coaevo scripta, ipso Beato adhuc superstite, ex veteri Ms. Majoricensi // Acta Sanctorum, Junii T. V – pp. 661-668

В переводе Константина Чарухина

1. К чести, хвале и любви единого Бога Господа нашего Иисуса Христа, Раймунд, уступая нескольким друзьям своим инокам из Франции, рассказал и позволил записать сию [историю] своего обращения к покаянию и иные события.

ГЛАВА I. ОБРАЩЕНИЕ РАЙМУНДА ОТ МИРСКИХ НЕПОТРЕБСТВ БЛАГОДАРЯ ХРИСТОВУ ЯВЛЕНИЮ. СТРЕМЛЕНИЕ К МУЧЕНИЧЕСТВУ. ПЛАМЕННОЕ РВЕНИЕ К ОБРАЩЕНИЮ САРАЦИН. ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЕГО. ОН ИЗУЧАЕТ АРАБСКИЙ ЯЗЫК И ГРАММАТИКУ У РАБА, КОТОРЫЙ ЕДВА НЕ УБИВАЕТ ЕГО

2. Раймунд, стольник короля Майорки, в юности был весьма привержен сочинению светлых баллад, песен и прочим непотребствам мирским. Однажды ночью он сел у своей кровати, собираясь повторять вслух и записывать на наречии своём (каталанском языке. – прим. пер.) одну песню о некоей даме, которую он любил тогда глупой любовью.

Когда ж он начал вышеупомянутую балладу писать, то, взглянув направо, увидел Господа Иисуса Христа, как бы висящего на кресте, и, увидев, убоясь; и, отложив то, что было у него в руках, забрался в постель свою спать.

3. На другой же день, встав и вернувшись к привычным суедам, он забыл и думать об оном видении; мало того, вскоре, дней через восемь, на том же месте, где прежде, и примерно в тот же час он снова вознамерился писать и совершенствовать вышеупомянутую балладу свою.

И Господь снова явился ему на кресте, как и прежде, а он, испугавшись тогда более, чем прежде, снова забравшись в постель свою, как и в другой раз, заснул.

Но всё же на другой день, пренебрегая бывшим ему явлением, он не оставил своего непотребства; мало того, вскорости он пытался завершить начатую свою балладу, пока спустя несколько дней Спаситель не явился ему в третий и четвертый раз подряд в таком же виде, как вначале.

4. На четвертый же или, вероятнее, пятый раз, чрезвычайно испуганный тем, что ему бывает одно и то же явление, он забрался в постель и всю ту ночь вдумчиво размышлял, что же должны означать эти столь зачистившие видения.

Притом и совесть внушала всякий раз, что оные явления указывают ни на что иное, как на то, что ему подобает, немедля оставив мир, всецело отныне предаться служению Господу Иисусу Христу.

С другой же стороны его совесть возглашала, что он прежде всего преступен и служения Христова недостоин; и так, то споря сам с собою об этом, то усерднее молясь Богу, он провёл ту мучительную ночь без сна. Наконец, по даянию Отца Светов (Иак. 1:17) он осознал Христову кротость, терпение и милосердие, которые Тот проявил и проявляет к любым грешникам. И так Раймунд в конце концов совершенно определенно уразумел, что Бог хочет, дабы он оставил мир и служению Христову отныне всем сердцем предался.

5. Итак, начал он вдумчиво размышлять наедине с собою, какое служение было бы Богу паче всего угоднее. И ясно стало ему, что никто не мог бы лучше и больше послужить Христу, чем отдать свою жизнь и душу ради любви к Нему и во славу Его,

и [совершить] сие, обращая к почитанию Его и служению Ему сарацин, которые множеством своим со всех сторон окружают христиан.

Но, задумавшись при этом о себе, он уразумел, что отнюдь не располагает познаниями, потребными для такого дела, ведь он даже грамматику не изучал, разве только самую малость. Посему, смутившись духом, он весьма опечалился.

6. Однако, в то время как его скорбным духом владели сии [размышления], вот – сам он не знал, как, но знает Бог, – вошло ему в сердце, воспаляя и наполняя его, некое духовное внушение написать впоследствии лучшую в мире книгу против заблуждений неверных.

Поскольку же он пока не имел ни малейшего представления о том, в каком виде писать такую книгу и каким образом, то чрезвычайно удивился. Чем, однако, больше и сильнее было его удивление от сего, тем сильнее росло в нем оное наитие или внушение написать упомянутую книгу.

7. Но, опять-таки, даже если принять во внимание то, что Бог с течением времени мог бы даровать ему благодать для написания упомянутой книги, он один почти ничего не смог бы сделать – прежде всего из-за того, что совершенно не знал арабского языка, на котором говорят сарацины.

Но пришло ему на ум, что ради сего ему следует отправиться к папе, а также к королям и государям христианским, дабы побудить их и добиться от них того, чтобы они основали в разных королевствах или провинциях пригодные для того монастыри, где для изучения языка упомянутых сарацин и других неверных могли бы жить особые иноки и другие способные к сему лица, из которых нетрудно было бы выбрать способных и после подобающей там же подготовки отправить на проповедь и возвешение упомянутым сарацинам и другим неверным святых истин католической веры – той, что во Христа (ср. Вульг. Гал. 3:26).

8. Итак, после того, как в душе его прочно укоренились сии три замысла (articulis), что были описаны выше (а именно: претерпеть смерть за Христа, обращать неверных к служению Ему, а также, если Бог даст, написать вышеупомянутую книгу и притом добиться [учреждения] монастырей для изучения различных языков), он на другой день спешно отправился в церковь, которая была недалеко оттуда, [и] благоговейно, с обильным плачем, помолился Господу Иисусу Христу, чтобы Он соблаговолил довести сии три упомянутых замысла, которые Он сам милосердно внушил сердцу его, до угодного Себе итога.

9. После этого, вернувшись к себе, он, будучи всё ещё чрезвычайно проникнут мирской жизнью и непотребством, в течение трёх последующих месяцев, то есть до наступления праздника святого Франциска, занимался исполнением трёх вышеупомянутых задач довольно теплохладно и нерадиво.

Но в оный праздник некий епископ в присутствии Раймунда проповедовал у Братьев меньших о том, как вышеназванный святой Франциск оставил и отверг всё, дабы едино ко Христу покрепче прилепиться и проч., и тогда этот Раймунд, побуждаемый примером святого Франциска, продал вскоре имущество своё, оставив, впрочем, немного из него на содержание своей жены и детей, и, полностью предав себя Христу, пошёл с намерением никогда не возвращаться в родные места к Святой

Марии в Рокамадур, к святому Иакову [в Компостелу] и в разные другие святые места молить Господа и святых Его об обретении указаний относительно тех трёх замыслов, что Господь, как было сказано выше, внушил сердцу его.

10. Итак, завершив вышеупомянутое своё паломничество, он решил отправиться в Париж –выучиться там грамматике и некоторым другим наукам, соответствующим его цели.

Но его родные, друзья, а паче всех брат Раймунд из Ордена Проповедников (св. Раймунд Пеньяфортский, 1175-1275 гг., пам. 7 янв.), который составил «Декреталии» для покойного владыки Григория IX (1170-1241 гг.), своими убеждениями и советами отговорили его от сего путешествия и велели ему вернуться в своё государство, сиречь Майорку.

11. Когда ж он пришёл туда, то, оставив более-менее пристойные одежды, которые доселе носил, надел убогое платье из самого грубого сукна, которое только смог найти. И вот, в оном государстве он немного научился грамматике. Купив же себе там некоего сарацина, он научился у него арабскому языку.

Затем, по прошествии девяти лет случилось так, что однажды в отсутствие Раймунда сарацин тот хулил имя Христово. Когда же Раймунд, вернувшись, узнал об этом от слышавших хулу, он, движимый чрезмерной ревностью о вере, ударил оного сарацина по устам, челу и лицу.

Ну а сарацин, чрезмерно из-за того озлобившись, стал с той поры размышлять, как бы ему убить своего господина.

12. Когда же он, втайне раздобыв меч, увидел однажды своего господина, сидящего в одиночестве, то бросился на него внезапно и, тут же ударив его упомянутым мечом, вскричал с ужасным рёвом: «Ты – мертвец!»

Хотя по изволению Божию Раймунд и оттолкнул тогда немного руку нападавшего, в которой тот держал меч, однако от удара, нанесённого нападавшим, получил тяжёлую, хотя и не смертельную рану в живот.

Впрочем, будучи сильнее, он подмял под себя того сарацина и насильно забрал у него меч.

Когда затем сбежались слуги, Раймунд запретил им убивать сарацина. Позволил, однако, им связать его и посадить в чулан, пока он сам не обдумает, как лучше всего поступить с ним. Ибо ему казалось жестоким умертвить того, с кем уже познакомился, учась у него столь желанному языку, а именно арабскому. Отпустить же его или держать при себе далее опасался, зная, что он отныне не перестанет замышлять убить его.

13. Итак, мучаясь по этому поводу сомнениями, он добрался до некоего аббатства, находившегося поблизости, и усерднейше молился там Господу о сем в течение трёх дней. По истечении оных, изумившись, что, судя по неизбывно мучившему его сердце сомнению, Господь молитве его отнюдь не внял, уныло вернулся к себе домой.

Когда же, придя туда, он заглянул в чулан, чтобы проведать своего пленника, что тот удавился той самой верёвкой, какой его связали.

Итак, Раймунд возблагодарил Бога, радуясь, что Он и руки его удержал от осквернения убийством упомянутого сарацина, и освободил его от тяжкого сомнения, о чём он незадолго до того Его рьяно молил.

ГЛАВА II. ОБРЕТЯ НА ГОРЕ РАНДА ПРОСВЕТЛЕНИЕ СВЫШЕ, ОН ПИШЕТ «ОБЩЕЕ ИСКУССТВО». ПУТЕШЕСТВИЕ В МОНПЕЛЬЕ, РИМ, ПАРИЖ, ГЕНУЮ. СУЕТНОЕ СМЯТЕНИЕ ЕГО, ПРЕОДОЛЕВ КОТОРОЕ, ОН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ТУНИС

14. После сего взошёл Раймунд на некую гору (согл. нек. рукописям, г. Ранда. – прим. пер.), находившуюся недалеко от его дома, чтобы спокойнее сосредоточиться на Боге. И провёл он там неполные восемь дней, как случилось однажды, когда он стоял там, внимательно вглядываясь в небеса, что Господь внезапно просветил его ум, дав ему [понимание], в каком виде и каким образом должна быть написана книга против заблуждений неверных, о которой было сказано выше.

Выразив Всевышнему безмерную благодарность, Раймунд спустился с горы оной. Вернувшись же вскоре в вышеупомянутое аббатство, принялся он там за составление и написание книги оной, назвав её первоначально «Великим искусством», но потом [переименовав] в «Общее искусство». Под этим [названием] – «Искусство» – он потом написал большое число книг (что будут перечислены в конце), изъяснив в них сообразно разумению обычных людей множество общих предметов и ещё больше частных, как опыт научил его.

После ж того, как Раймунд, пребывая в вышеупомянутом аббатстве, составил свою книгу, он снова взошел на вышеупомянутую гору. И на том месте, где стояли его ноги в то время, как Господь явил ему на той горе, как должно быть написано «Искусство», он распорядился устроить себе скит, в котором провёл один за другим четыре месяца с лишним, умоляя Бога денно и ночью, чтобы Он благополучно направил его и «Искусство», которое Он даровал ему, к чести Своей и преуспеянию Своей Церкви.

15. Итак, пока он так [молясь] стоял в упомянутом скиту, пришёл к нему некий пастырь овец, юноша с весёлым и милым лицом, и насаждал ему за один час столько всего, да и так хорошо о Боге и о небесных [силах], сиречь об ангелах и прочих, сколько и как, казалось ему, один человек другому и за целые два дня едва ли смог бы наговорить.

Когда же пастух тот увидел книги Раймундовы, он, преклонив колени, лобызал их, поливая своими слезами. И сказал Раймунду, что много хорошего будет от этих книг Церкви Христовой.

Также и благословил пастух тот Раймунда многими благословениями, как бы пророческими, осенив голову его и всё тело знаменами Святого Креста, и удалился.

Раймунд же, обдумывая всё сие, дивился, ибо никогда прежде не видал пастуха того и не слышал, чтобы кто-нибудь говорил о нём.

16. После сего король Майорки, услышав, что Раймунд уже написал несколько хороших книг, распорядился, чтобы тот приехал в Монпелье, где в то время сам король находился.

Когда ж Раймунд прибыл туда, король велел некоему брату из Ордена миноритов проверить его книги, особенно же некоторые размышления, которые он благоговейно записывал каждый день в году – по тридцать особых параграфов, посвящённые каждому дню. Каковые размышления, исполненные пророчества и католического благочестия принял не без восхищения.

И вот, написал Раймунд в том городе сверх названного «Искусства», что было даровано ему на горе, одну книгу, назвав её «Искусством наглядного доказательства», каковую и читал там публично.

Сверх того он написал и свою «Лекцию» на эту тему, в которой согласно католической и богословской истине объясняет, как первая форма и первичная материя составляют элементарный хаос, и как пять универсалий и десять категорий происходят из одного хаоса и содержатся в нём.

17. В ту же пору Раймунд ещё упросил вышеупомянутого короля Майорки, чтобы построил он в своём королевстве один монастырь, наделил его достаточными владениями да и поселил там тринадцать братьев-миноритов, дабы язык они там учили арабский ради обращения неверных, как выше было изложено. И чтобы всегда на их нужды, равно как и другим, кто после них будет жить в указанном монастыре, выдавалось из вышеупомянутых владений по пятьсот флоринов в год.

18. После сего Раймунд отправился в Римскую курию с целью допроситься, если сможет, от владыки папы и кардиналов, чтобы такого рода монастыри для изучения языков были учреждены по всему миру.

Но когда он прибыл в Курию, оказалось, что папа, а именно папа Гонорий [IV], только недавно умер.

Из-за этого, покинув Курию, он направил свои стопы в сторону Парижа, дабы поведать там миру об «Искусстве», каковое Бог даровал ему.

19. Итак, приехав в Париж в пору канцлерства Бертольда, Раймунд прочитал там при дворе его комментарий к «Общему искусству» по особому предписанию вышеупомянутого канцлера.

Почитав же в Париже до конца оный комментарий и будучи почтён там как бы учёным, он вернулся в Монпелье. Там он написал и читал [публично] ещё новую книгу, названную им «Искусством отыскания истины», где (как и во всех прочих книгах, что он писал с тех пор) поместил только четыре фигуры, устранив или, скорее оставив без внимания ради хрупкости людского разума (в каковой он убедился в Париже) двенадцать из шестнадцати фигур, которые прежде были в его «Искусстве».

Завершив всё это должным образом в Монпелье, он направился в Геную. Где, задержавшись ненадолго, перевел упомянутую книгу, сиречь «Искусство отыскания», на арабский язык.

Закончив с этим, он направил стопы свои к Римской курии, желая там, как и в других местах, просить о создании по миру монастырей для изучения различных языков, как было сказано выше.

Но там из-за затруднений, возникших тогда в Курии, он мало продвинулся к своей цели и, испросив совета, отправился назад в Геную, чтобы оттуда переправиться в страну сарацин, желая проверить, не удастся ли хотя бы ему одному сколько-нибудь преуспеть у них, беседуя с их мудрецами и с помощью данного ему от Бога «Искусства» объясняя им воплощение Сына Божия, а также Пресвятую Троицу в высшем единстве сущности Божественных Лиц, во что сарацины не верят; хуже того: в ослеплении своём утверждают, что мы, христиане, почитаем трёх богов.

20. Когда же среди генуэзцев быстро разошёлся слух, что Раймунд уже собрался отплыть в страну сарацин с целью при возможности обратить их в веру Христову, жители от сего весьма возрадовались в надежде, что Бог совершит для них что-то замечательно хорошее чрез него с сарацинами. Ведь генуэзцы слышали, что этот Раймунд после своего обращения к покаянию получил на некоей горе священное некое знание свыше для обращения неверных.

Но после того, как Господь, словно бы неким рассветом, посетил Раймунда столь великою радостью людской, Он внезапно испытал его (ср. Вульг. Иов. 7:18) тяжчайшим искушением. Ибо когда он собирался уже вот-вот отплыть, когда готов был корабль и всё прочее, и книги его занесены на корабль вместе с иными пожитками, по какому-то поводу нашёл на него и как бы засел в душе некий [страх], а именно, что, если он приплывёт к сарацинам, они его сразу по прибытии прирежут или, самое малое, упрячут навсегда в темницу.

Поэтому Раймунд, испугавшись за свою шкуру (как однажды святой апостол Петр при Страстях [Господних]) и позабыв о своём намерении, упомянутом выше, а именно: умереть за Христа при попытках обратить неверных к почитанию Его, остался в Генуе, удерживаемый неким малодушным страхом. И вот, возможно, ради того, чтобы он не возомнил о себе тщеславно, по попущению или устройению Господню, его тем временем покинули.

Однако после отхода упомянутого корабля из Генуи Раймунд, оттого что своею столь непомерной задержкой дал народу причину соблазниться против веры, вскоре проникся такими угрызениями совести, что впал в совершенное отчаяние, решив, что подвергнется Божью осуждению из-за сего.

По причине этого он был мучим изнутри столь глубокой скорбью сердечной, что и вовне, то есть телом, тяжело, с горячкою, захворал. И так, никому не открывая причины скорби своей, он, долго в Генуе проболев, едва не обратился в ничто (ср. Вульг. Пс. 72:22; Вульг. Иов. 30:15).

21. Наконец с наступлением святого праздника Пятидесятницы велел он себя отнести или, иными словами доставить до церкви Братьев-проповедников. Когда же услышал, как братия поют гимн «Сотворитель Дух, приди», то, восплавав, молвил про себя: «Ах! Да неужто Дух этот Святой не может меня спасти?!» И вот, отнесли или доставили его, обессиленного, в dormitorio братии, и там он простёрся на некоем ложе.

Когда же, лёжа там, он взглянул вверх, увидел под сводом обители некий слабенький свет, словно бы звезду бледную, и услышал со стороны звезды голос, сказавший ему таковые слова: «В этом ордене ты можешь спастись».

И вот Раймунд, послав за братьями обители оной, немедля попросил облачить его в хабит их. Но братия из-за отсутствия приора отложили исполнение сего.

Итак, Раймунд, возвратившись в гостиницу свою, вспомнил, что Братья меньшие от всей души приняли его «Искусство», дарованное ему Господом на горе, и полюбили оное более, нежели упомянутые Проповедники. Исходя из этого, понадеявшись, что эти братья-минориты деятельнее станут распространять упомянутое «Искусство» к чести Господа Иисуса Христа и благу Церкви Его, подумал, что подобает ему, оставив Проповедников, вступить в орден Братьев меньших.

Пока же он сие обдумывал, явилось ему вблизи, словно бы подвешенное на стене, препоясание, иными словами верёвка, из тех, какими препоясываются минориты. Едва он успел минутку потешиться сим видением, как, взглянув подальше, увидел над собою свет оный, иными словами звезду бледную, виденную им, как было выше сказано, прежде у Проповедников, когда он покоился на ложе. И услышал он, как эта звезда, словно бы угрожая, говорит ему так: «Неужто не сказано было тебе, что ты можешь спастись лишь только в ордене Братьев-проповедников?!»

23. Итак, Раймунд, сопоставив с одной стороны осуждение своё, что грозит ему, если он не останется с Проповедниками, а с другой – забвение «Искусства» и написанных им книг, если он не пребудет с Братьями меньшими, выбрал нечто совершенно необычное, предпочтя своё вечное осуждение забвению упомянутого «Искусства», которое, как он знал, было получено им от Бога ради спасения многих и к вящей чести Божией.

И вот, не отвечая на возражение упомянутой звезды, он послал за гвардианом братьев-миноритов, у которого попросил хабита их. А гвардиан согласился вручить ему оный, когда он приблизится к смерти.

24. Ну а Раймунд, хоть и отчаявшись в желании Бога спасти его, пожелал, однако, поверхностно исповедаться и составить завещание, чтобы братия или народ не сочли его еретиком.

Когда же священник уже и Тело Христово доставил ему и подал ему оное, стоя прямо перед лицом Раймунда, лицо его, которое он только что держал прямо, словно бы от толчка человеческой руки, отворотилось направо. И показалось ему, что в тот же миг и Тело Христово, которое священник ему тогда протягивал, переместившись в противоположную сторону, то есть налево, так говорит ему: «Ты претерпишь подобающее наказание, если так меня ныне примешь!»

Но Раймунд, твёрдый в принятом ранее решении своём, сиречь вечному, скорее, подвергнуться осуждению, нежели допустить, чтобы из-за дурной его славы пропало «Искусство», открытое ему к чести Божией и спасению многих, снова почувствовал, словно человеческая рука отворачивает его всё ещё сопротивляющееся лицо вправо. И даже в этом положении он, увидев Тело Христово в руках священника, тут же пал с ложа наземь и облобызал стопу священника того. И

в итоге он тогда принял Тело Христово ради того, чтобы хотя бы под видом такового напускного благоговения спасти упомянутое «Искусство».

О дивное искушение, а вернее сказать, как оказалось, испытание по устроению Божию! Патриарх Авраам сверх надежды когда-то поверил с надеждою (ср. Рим. 4:18), а он, неизменно предпочитая собственному спасению «Искусство» или, иными словами, Учение, благодаря которому многие могли обратиться к познанию, любви и почитанию Божию, словно бы солнце, закрытое облаком, но тем не менее пылающее в себе, в некоем потемнении ума, дивным образом устроенном Богом, подтвердил, что любит Бога и ближнего ради Бога бесконечно больше себя, что очевидно следует из прежде сказанного.

25. И вот, пока Раймунд был по-прежнему прикован к постели тяжкой болезнью тела и души, дошёл до него слух, что некая галера, стоявшая в гавани, приготовилась к отплытию в Тунис. Услыхав сие, он, словно бы проснувшись от глубокого сна, немедленно распорядился занести на корабль тот себя вместе с книгами своими. Но его друзья, видя, что он находится на пороге смерти, из сострадания к нему вытащили его против воли из корабля, о чём он весьма скорбел.

Однако Раймунд, вскоре после того снова разведав, что некий другой корабль, который генуэзцы по-простому называют баркой, готовится идти в вышеупомянутое государство, или иными словами королевство сарацинское, сиречь в Тунис, вопреки воле и советам своих друзей распорядился отнести себя на оную барку вместе со своими книгами и прочими пожитками.

Тотчас же, как только мореплаватели вышли из гавани и пустились в плавание, Раймунд, внезапно возрадовавшись в Господе, просветлением милосердного Духа Святого вновь обрёл надежду [на спокойствие] совести, которая, как он полагал в вышеописанном помрачении, потеряна для него. [Он ободрился] настолько, что в течение нескольких дней к удивлению всех, кто путешествовал вместе с ним, и даже своему собственному почувствовал себя в лучшем душевном и телесном состоянии, нежели во всю предыдущую жизнь.

ГЛАВА III. ДИСПУТАЦИИ С САРАЦИНАМИ. СМЕРТЕЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ. ПРИБЫТИЕ В НЕАПОЛЬ. ТЩЕТНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ К ПОНТИФИКУ, ГЕНУЭЗЦАМ И ФРАНЦУЗСКОМУ КОРОЛЮ. БЕГСТВО НА КИПР И ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТТУДА ВО ФРАНЦИЮ

26. И вот, воздав за то Богу подобающую благодарность, они вскоре после этого проникли в порт Тунисский и, сойдя на землю, вошли в город.

Раймунд же, созывая понемногу день ото дня тех, кто был наиболее сведущ в вероучении Магометовом, среди прочего сказал им, что он хорошо знает обоснования вероучения (legis) христианского во всех его подробностях и приехал послушать обоснования их вероучения, сиречь Магометова, и, если они окажутся при подробном сопоставлении сильнее, чем обоснования христиан, он обратится в их учение (sectam).

А как день ото дня к нему стекались многие и наиболее сведущие в вероучении Магометовом, изъясняя ему обоснования своего вероучения, чтобы таким образом обратить его в своё учение, он, слегка уступая их доводам, сказал:

«Той веры подобает держаться всякому мудрецу, которая приписывает вечному Богу, в Которого веруют все мудрецы мира, наибольшую благодать, мудрость, силу, истинность, славу и совершенство и прочее того же рода; и всё сие в высшей соразмерности и согласованности. И та вера в Бога наиболее похвальна, которая между Богом, Который есть высшая и первая Причина, и произведением (effectum) Оной устанавливает большую согласованность или, иными словами, соответствие.

Но по тому, что мне вами представлено, я уже заметил, как все вы, сарацины, следующие вероучению Магометову, не понимаете, что среди вышеперечисленных и других того же рода божественных достоинств есть собственные акты – внутренние и вечные, – без которых достоинства эти были бы праздны даже от вечности. Например, акты благодати суть благодетельство, облагодетельствованность и благодеяние (bonificatiuum, bonificabile, bonificare); величия – величательство, возвеличенность и возвеличение (magnificatiuum, magnificabile, magnificare); и так со всеми прочими божественными достоинствами – названными выше и им подобными.

Но поскольку вы эти вышеназванные акты (т.е. способность сообщать к.-л. свойство, способность воспринимать его и собственно акт сообщения. – прим. пер.) приписываете лишь двум божественным достоинствам или, иными словами, свойствам (rationibus), а именно, как я уже вижу, знанию и воле, то из этого ясно следует, что вы все остальные божественные свойства, упомянутые выше, а именно благодать, величие и проч. оставляете праздными, а следовательно помещаете несоответствие и несогласованность между ними, чего нельзя допустить.

Ну а тем, что вышеперечисленные достоинства, свойства или, иными словами, атрибуты соответственно и согласованно являются, как и подобает, сущностными актами, внутренними и вечными, христиане с очевидностью доказывают, что в единой простейшей божественной сущности и природе существует Троица Лиц, а именно Отца, Сына и Святого Духа.

Что я с Божией помощью смогу наглядно доказать вам ясными доводами (rationibus) из некоего «Искусства», открытого, предположительно, свыше некоему христианскому отшельнику, если вы соизволите несколько дней со спокойным духом побеседовать со мной о сих предметах.

Ибо посредством оного «Искусства» вам будет, если угодно, явлено, как в Воплощении Сына Божия через сопричастность или, иными словами, единение Творца и Творения в едином Лице Христа первая и высшая Причина самым разумным образом сходится и согласуется со своим произведением; а также как сие высшим и преславным образом явлено в Страстях того же Сына Христова, которые Он претерпел в воспринятой Им человечности по добровольному и сострадательнейшему снисхождению своему ради искупления нас, грешных, от греха и тленности прародителя и возвращения нас к состоянию славы и услаждения [лицезрением] Божества, ради которого и к каковому состоянию Бог в конце концов и сотворил нас, людей.

28. И вот, когда Раймунд, казалось, уже начал просвещать умы неверных по таким вопросам, случилось так, что некто довольно известный среди сарацин, понявший, как слова, так и намерение Раймунда, обратился к королю с увещанием, чтобы сему

человеку, что пытается совратить народ сарацинский да при этом ещё с безрассудной наглостью опровергнуть вероучение Магометово, велел он усечь голову.

Когда по этому поводу собрался совет, то из-за подстрекательств упомянутого знаменитого мужа и множества иных воля короля в итоге склонилось к тому, чтобы умертвить Раймунда.

Впрочем, один из них, благоразумный и ученый, увидев это, попытался противостоять столь гнусному преступлению, убеждая короля, что не к чести его будет убить такового мужа, который, хотя и старается распространять вероучение своё христианское, однако явно весьма совершен в обильной благодати разумении; добавив, что хорошим сочли бы того сарацина, кто посмел бы пойти к христианам с целью запечатлеть в сердцах других вероучение сарацинское.

Король же, успокоенный такого рода и подобными им речами, отступил от [намерения предать] смерти Раймунда, однако тут же велел, чтобы его изгнали из королевства Тунисского.

Итак, когда его вытаскивали из темницы, претерпел он от многих многие поношения, побои и мучительства.

29. В конце концов, однако, его доставили на некий корабль генуэзский, готовый в ближайшее время отплыть. А пока он собирался, царь постановил, чтобы его насмерть побили камнями, если ещё хоть раз поймут в стране. [О чём Раймунд] безмерно печалился, ибо он расположил ко крещению мужей именитых и иных множество, кого он перед своим отъездом всею душой стремился привести к совершенному свету правой (orthodoxæ) веры. Но пока человека Божия терзало жало таковой неразрешимости, поступило распоряжение, чтобы корабль, на который его отвели, отправился домой.

Узнав об этом, Раймунд понял, что и так и эдак не избежать ему мучений. Ибо если уедет, то, как видел он, души, уже расположенные им к благочестию христианскому, впадут обратно в западню проклятия вечного; если же он осмелится остаться, то, как знал он, сарацины в безумии своём с готовностью его тут же умертвят.

Впрочем, весь охваченный пламенем любви к Богу, он не боялся подвергнуться смертельной опасности, если б только из этого могла выйти хоть какая-нибудь польза для спасения душ. И, покинув отходивший корабль, он тайком зашёл на какой-то другой в той же гавани. Ибо он надеялся, что если ему каким-либо образом удастся сойти на землю, не подвергнувшись их зверскому нападению, то он сможет завершить начатое доброе дело, о котором говорилось выше.

30. И вот, во время таковых его попыток случилось, что городом проходил некий христианин, статью и одеянием похожий на Раймунда. И сарацины, заподозрив, что это Раймунд, схватили его. Когда ж они захотели побить его камнями, вскричал человек тот: «Да не Раймунд я!» И когда после изысканий они узнали, что Раймунд на корабле, тот [человек] ускользнул из рук их.

И таким образом Раймунд задержался там на три недели.

Видя же, что ничего не может свершить там ради служения Христу, отправился он в Неаполь, где и пробыл, читая [лекции] по «Искусству» своему, до избрания владыки папы Целестина V.

31. После сего Раймунд отправился в Римскую курию, чтобы допроситься от владыки папы того, к чему, как изложено выше, давно ради Христа стремился; и писал там книги.

Однако некоторое время спустя владыку папу Целестина V сменил владыка папа Бонифаций VIII.

Его Раймунд тоже изо всех сил пытался умолить о каком-нибудь содействии на пользу христианской веры. И хотя он претерпел много невзгод, постоянно следуя за Верховным понтификом, но от своего намерения отнюдь не отказался, надеясь, что [папа], без сомнения, соизволит выслушать его, ведь непрестанно ходатайствовал он не о своём собственном благе или пропитании, но об общем благе католической веры.

32. Однако, увидев в конце концов, что ничего от верховного понтифика не добьётся, отправился Раймунд в город Геную, где сочинил несколько книг.

Наконец он прибыл к королю Майорки.

А пообщавшись с ним, отправился он в Париж и там, публично читая своё «Искусство», сочинил множество книг. После того он обратился к королю [Французскому], умоляя его о [содействии] в ряде [дел], чрезвычайно полезных для Святой Церкви Божией.

Но, видя, что относительно сего почти ничего добиться не удаётся, он возвратился на Майорку. За время своего пребывания там он постарался как диспутациями, так и проповедями привлечь к пути спасения бесчисленное множество живших там сарацин. Также он написал там несколько книг.

33. И вот, пока Раймунд усиленно занимался таковыми трудами, вдруг стали распространяться новости о том, что император татарский Кассан (Газан-хан, правитель государства Хулагуидов с 1295-го по 1304-й г.) напал на сирийское королевство и полностью покорил его своей власти.

А когда услышал об этом Раймунд, он, найдя готовый [к отплытию] корабль, переправился на Кипр. И там он обнаружил, что новости те почти полностью ложны (после ряда побед войска Газан-хана не удержали Сирию. – прим. пер.). Итак, Раймунд, видя, что замысел, с каковым он прибыл, расстроился, начал искать иного пути, чтобы провести дарованное ему Богом время не в праздности, но, наоборот, в работе, Богу угодной и ближнему полезной. Ведь он всегда внушал себе бодрственным сердцем оный совет Апостола, сказавшего: «Делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем» (Гал. 6:9), и пророка, сказавшего: «С плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои» (Пс. 125:6).

34. И вот Раймунд обратился к королю Кипра, умоляя его с великой настойчивостью, чтобы он убедил некоторых неверных и схизматиков, а именно иаковитов,

несториан и момминов (возм. маронитов. – прим. пер.) приходил к нему на проповедь и диспутацию.

При этом он ещё умолял короля Кипра, чтобы по совершении всего, что возможно, к назиданию вышеназванных, изволил он послать его к султану, сущему сарацину, да к королю Египта и Сирии, чтобы поведать им о святой католической вере. Король же ко всему этому оказался безразличен.

Тогда Раймунд, уповая на Того, Кто слово благовествует в силе великой (ср. Вульг. Пс. 67:12), начал с помощью одного лишь Бога мужественно действовать проповедями и диспутациями среди них.

Но в конце концов, усердствуя в проповедях и учении, он занемог немалым телесным недугом.

Притом прислуживали ему двое, а именно клирик и слуга. Которые, не представляя Бога пред взором своим (ср. Вульг. Пс. 53:5), позабыв о спасении своем, замыслили нечестивыми руками исторгнуть у человека Божия достоинства его. И когда Раймунд узнал, что они [едва не] отравили его, он со спокойным сердцем прогнал их со службы.

35. Добравшись до Фамагусты, он был радушно принят магистром [ордена] Храма, жившим в крепости Лимасольской, и оставался в его доме, пока не восстановил здоровье.

После ж сего Раймунд, перебравшись в Геную, издал там множество книг.

Затем он отправился в Париж, где с успехом читал [лекции] по своему «Искусству» и сочинил ряд книг.

Во время же [понтifikата] владыки папы Климента V, покинув город Париж, он прибыл в Лион. А задержавшись там, он умолял Верховного понтифика о деле, могущем премного послужить на пользу вере, а именно, дабы постановил этот владыка папа создать монастыри и поместить в них благочестивых да способных мужей, которые, изучив наречия разных народов, смогли бы проповедовать Евангелие всем неверным согласно заповеди Господней, говорящей: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16:15). Однако мольба сия как владыку папу, так и кардиналов мало озаботила.

ГЛАВА IV. НОВЫЙ СПОР С САРАЦИНАМИ В БУГИИ, ОТКУДА ОН ПОСЛЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ИЗГНАН КОРОЛЕВСКИМ УКАЗОМ. ПРЕТЕРПЕВ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ, ПРИБЫВАЕТ В ПИЗУ. ОН ВЫДВИГАЕТ В ГЕНУЕ, ПАРИЖЕ И АВИНЬОНЕ СВОИ ДАВНИШНИЕ ЗАМЫСЛЫ, НО ВОТЩЕ

36. Затем Раймунд, вернувшись на Майорку, переправился в некую сарацинскую страну, что называется Бугия (совр. Беджая – порт и область на севере Алжира. – прим. пер.)

Став на главной улице оногo города, Раймунд воскликнул громким голосом, разразившись сими речами: «Вероучение христианское истинно, свято и Богу угодно, а вероучение сарацинское ложно и ошибочен. И я готов это доказать».

Но в то время как он, говоря сие и подобное языком сарацинским, склонил к вере Христовой уже множество собравшихся там язычников, многие устремились на него, желая нечестивыми руками насмерть побить его камнями.

Когда они так разъярились против него, предстоятель, или городской имам (episcopus), послав гонцов, велел привести к нему этого человека.

Когда Раймунд был представлен пред очи его, молвил имам: «Как это глупость такая тебя обуяла, что дерзнул ты выступить против вероучения истинного Магометова? Не знаешь, что любой, кто дерзнёт на сие, подлежит смертной казни?»

Раймунд ответил: «Истинный раб Христов, познав истину католической веры, не должен страшиться опасности телесной смерти, когда может стяжать благодать духовной жизни для душ неверных».

37. И сказал имам ему: «Итак, если ты веришь, что вероучение Христово истинно, а вероучение Магометово считаешь ложным, то приведи необходимое обоснование в доказательство сему». Ибо епископ оный был именит в философии.

Раймунд же ответил: «Давай оба сойдёмся на чём-нибудь общем; тогда я дам тебе необходимое обоснование».

И поскольку угодно было это имаму, Раймунд спросил его: «Бог совершенно благ?» Имам ответил, что это так.

Тогда Раймунд, желая доказать троичность, стал рассуждать так: «Всякое совершенно благое сущее (ens) настолько совершенно само по себе, что ему нет нужды ни творить благо вне себя, ни искать его. Ты говоришь, что Бог совершенно благ от вечности и вовек (ср. Вульг. Пс. 102:17), поэтому Ему не нужно искать и творить благо вне Себя, поскольку, ибо иначе Он не был бы просто совершенно благ. А поскольку Ты отрицаешь Пресвятую Троицу, то получается (чего не может быть), что Бог не был совершенно благ от вечности, пока не произвёл благо мира во времени. Ты же веришь в творение мира, а значит, Бог, сотворив мир во времени, стал более совершен в благодати, нежели был прежде, ведь благодать более блага, распространяясь, нежели пребывая праздною. Впрочем, сие я умозаключаю с твоей стороны.

С моей же стороны умозаключаю, что благодать от вечности и вовек распространительна (diffusiva). И сие относится к сути блага, что оно самораспространяется (sui ipsius sit diffusivum), так как благий Бог Отец по благодати Своей рождает благого Сына Своего, а от Обоих исходит благий Дух Святой».

38. И вот, имам, пораженный этим доводом, не ответил ни на один из поставленных вопросов, но велел немедля посадить его в темницу. Множество же сарацин стояло снаружи, ожидая возможности убить его. Однако вышел указ от имама ни в коем случае не умышлять о смерти сего мужа, ибо он намеревался подвергнуть названного мужа смерти, достойной его.

И вот, пока Раймунд, покинув дом имама, не дошёл до темницы, его то палками побивали, то руками, а порой его крепко тягали за бороду (которая была длинна).

Заперли его в нужнике уголовной тюрьмы, где он и вёл какое-то время мучительную жизнь. Впоследствии же его поместили в какую-то клетушку той темницы.

39. На следующий же день улемы (clerici legis) собрались перед имамом, прося его казнить [пленника]. Посовещавшись же о том, как погубить его, большинством решили, что следует привести Раймунда. И если выяснится, что он муж учёный, казнить обязательно, если же он окажется человеком невежественным и глупым, отпустить как глупца.

И услышав это, некто из тех, кто вместе с Раймундом плывал из Генуи в Тунис и часто слышал речи и доводы его, молвил им: «Смотрите не допускайте его сюда ко двору, ибо он выдвинет такие доводы против нашего вероучения, какие нам будет до невозможности сложно опровергнуть».

Договорившись же тогда, что вызывать его не следует, они по прошествии краткого времени перевели его в более терпимую темницу.

Затем сошлись [к имаму] генуэзцы и каталонцы, жившие там, и упросили поместить Раймунда в место попримечнее. Что и было сделано.

40. Итак, Раймунд провёл там в полгода в темнице.

К нему часто хаживали улемы да посланники имама и, пытаясь обратить его в вероучение Магометово, обещали ему жён, почести, дом и кучу денег.

Но, основавшись на прочном камне (ср. Мф. 7:24, Лк. 6:48), человек Божий Раймунд говорил: «Ну а я, если вы решите уверовать в Господа Иисуса Христа, а это ошибочное вероучение попытаетесь отринуть, предлагаю вам величайшее богатство и жизнь вечную».

Поскольку ж они часто так спорили, согласились на том, что каждый напишет одну книгу, где каждая из двух сторон обоснует своё вероучение самыми сильными доводами, какие сможет представить, причём кто выскажет более основательные доводы, вероучение того и будет считаться более истинным.

А когда Раймунд уже проделал изрядную работу над своей книгой, случилось так, что от короля Бугии, проживавшего тогда в городе Константине, прислали с письмом, по предъявлении коего полагалось Раймунда из Бугии изгнать.

41. Поэтому, когда он взошёл на некий корабль в порту оном, приказано было хозяину названного корабля, чтобы он не позволял более сему мужу возвращаться в оную землю.

И вот, когда корабль оный плыл в Геную, внезапно сильная морская буря поднялся над портом Пизанским, ибо они были на расстоянии десяти миль от вышеназванного порта. И когда корабль со всех сторон подвергся ударам сильнейших волн, началось наконец крушение, и некоторые из тех, кто пострадал от него, погибли да потонули, а иные, однако, упреждаемые помощью Божией, спаслись. Среди них – Раймунд со спутником своим, лишившись всех книг и одежд, как бы нагими (ср. Ам. 2:16) добрались до морского берега на лодке.

И, когда он добрался до города Пизу, некто из горожан принял его с честью.

Там человек Божий, хоть и был уже стар и бессилён, однако всегда усерден в трудах ради Христа, довершил своё «Окончание общего искусства» (*Artem generalem ultimatam*).

Причём [книга] о сем «Искусстве», равно как и прочие его книги, будучи отмечена огромной силой, тонкостью и совершенством постижения, имеет целью не славу мирскую или пустое философствование (ср. Кол. 2:8), но крепкую любовь и мудрость Божию как конечный предел и высшее благо.

42. Итак, закончив вышеназванное «Искусство», а вместе с тем завершив и много других книг, и желая побудить общину города Пизы к служению Христову, заявил Раймунд в совете [граждан], что было бы хорошо учредить в оном [городе] орден монашествующих христианских рыцарей, предназначенных (*ordinati*), то есть, к тому, чтобы вести непрестанную брань со зловерными сарацинами ради возвращения Святой Земли.

И вняв его красноречивым увещаниям, [пизанцы] подписали прошение (*litteras*) к Верховному понтифику и кардиналам относительно столь благотворного дела.

Добившись же [подписания] сего прошения в городе Пизе, он отправился в Геную и добился [там подписания] такого же прошения. Когда к нему собралось множество благочестивых дам и вдов, знать оного города пообещала ему двадцать пять тысяч флоринов на помощь Святой Земле.

Итак, покинув Геную, он направился к папе, находившемуся в то время в Авиньоне.

Увидев же, что для осуществления своего замысла там ничего обрести не удастся, отправился в Париж. Где он публично читал как своё «Искусство», так и великое множество других книг, написанных им в прежние времена.

На лекциях же его присутствовало множество как магистров, так и учёных.

Которым он не только изложил учение, подкреплённое философскими доводами, но и преподавал премудрость, дивным образом подтверждённую высокими принципами христианской веры.

43. Но поскольку он видел, что весьма многие, на основании утверждений Комментатора Аристотелева, сиречь Аверроэса, изрядно уклонились от прямого пути истины, особенно же в отношении католической веры, говоря, что христианская вера с точки зрения разума невозможна, а когда коллеги-христиане возмущались, они высказывали мнение, что она истинна с точки зрения веры, то Раймунд, стараясь путём наглядных примеров и научных положений опровергнуть такого рода мнения их, многократно приводил их к опровержению. Ибо если католическая вера с точки зрения разума недоказуема, то невозможно, чтобы она была истинной. Об этом он и книги писал.

44. После ж сего Раймунд, зная, что в календы октября 1311-го года во Вьене состоится Вселенский Собор, который возглавит Святейший Отец, владыка папа Климент V, решил поехать на упомянутый собор, чтобы просить там о трёх [средствах] восстановления правой веры.

Во-первых, об учреждении подходящей обители, в которой должно разместить благочестивых и одарённых разумом мужей, чтобы, изучив различного рода языки, они сумели проповедовать учение Евангелия всей твари.

Во-вторых же, о создании из всех монашествующих рыцарей христианских одного ордена, который до возвращения Святой Земли должен будет постоянно вести за морем войны против сарацин.

Ну и в-третьих, о том, чтобы владыка папа поскорее распорядился о средстве против мнений Аверроэса, который во многих отношениях явился извратителем истины: нужно поручить разумным католикам, стремящимся не к своей славе, а к чести Христовой, возражать вышеназванным мнениям и тем, кто их придерживается, поскольку они явно противостоят нетварной Истине и Премудрости – Сыну Бога Отца.

О них Раймунд ещё составил книжку, озаглавленную «Книга Рождества», обещающая сверх философских предоставить против них и убедительные теологические доводы. Которые, впрочем, он наиболее ясно изложил в некоторых других своих книгах.

Ведь сей слуга Божий, изъяснитель Высшей Истины и Глубочайшей Троицы среди ежедневных трудов своих написал свыше ста двадцати трёх книг.

45. Итак, минуло уже сорок лет после того, как он направил всё сердце свое и всю душу свою, все и всяческие силы свои и всё разумение своё к Богу (ср. Мф. 22:37 и Мк. 12:30). В это время он, когда выдавался досуг, непрестанно с усердием писал книги.

И по праву мог он молвить слово пророка Давида, сказавшего: «Излилось из сердца моего слово благое; я говорю: песнь моя о Царе; язык мой – трость скорописца» (Пс. 44:2). Воистину язык его был пером одного нетварного Скорописца, сиречь Святого Духа, Который даёт слово благовествующим в силе великой (ср. Вульг. Пс. 67:12). О чём и Спаситель, глаголя, молвил апостолам: «Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф 10:20).

Желая же, чтобы его книги были полезны для всех, он издал многие из них на арабском языке, так как знал наречие это.

И разошлись книги его по вселенной, но он распорядился собрать их главным образом в трёх местах, а именно: в картезианском монастыре Парижа, и у некоего знатного гражданина Генуи, и у некоего знатного гражданина Майорки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(Из VITA II. Auctore Carolo Bovillo Samarobrino, ad Ræmundum Boucherium Jurisperitum // Acta Sanctorum. Iunii T. V. p. 674)

В конце концов Раймунд, телом уже старик, духом же всегда юный и день ото дня всё крепче, переправился с Майорки в Тунис на проповедь. Когда ж он прибыл туда, жители его тотчас узнали и толпой народу сразу выгнали его из города и забросали камнями в порту. На следующую же ночь майоркские некие купцы случайно (как Богу было угодно) проплывая мимо тунисского порта, увидели вдалеке огромный

конус света, исходивший от груды камней (коими было завалено тело Раймунда). Изумлённые небывалым явлением, они без промедления свернули туда и, раскопав кучу камней, нашли тело покойного. Сразу узнав в нём Раймунда (ведь он был гражданином Майорки), занесли его на корабль и с ним вернулись на Майорку (по иным свидетельствам бл. Раймунд был ещё жив и скончался на пути домой. – согл. прим. лат. изд.). И говорят, что и до сего дня мощи его хранятся в краю том и многими просияли чудесами.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ